

УДК 316.354:331.556.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-4

Исследовательская статья

Юргелас А. Л.

Ценностно-мотивационные детерминанты трудовой миграции в Россию: сравнительный страновой анализ на примере Армении, Беларуси и Таджикистана

Исследовательская группа «ЦИРКОН»; Научно-учебная лаборатория исследований
в области бизнес-коммуникаций НИУ ВШЭ
улица Тверская, дом 16, строение 1, Москва, 125375, Россия
annayurgelas@yandex.ru

Аннотация. Современные демографические и экономические изменения, а также дефицит трудовых ресурсов и трансформация международных миграционных потоков усиливают роль трудовой миграции как одного из значимых факторов развития государств евразийского региона. Для России, сохраняющей статус крупнейшего центра притяжения мигрантов на постсоветском пространстве, становится особенно важным выявление драйверов, определяющих намерения жителей стран СНГ относительно трудовой мобильности. В то же время большинство исследований по-прежнему ориентировано преимущественно на макроэкономические детерминанты миграции, тогда как ценностно-мотивационные, индивидуальные факторы изучены существенно меньше. Цель данной статьи – провести сравнительный анализ факторов, влияющих на желание мигрировать в Россию по работе среди населения Армении, Беларуси и Таджикистана, представляющих три различные модели миграционной мобильности в евразийском пространстве. В качестве эмпирической базы исследования использованы данные международных опросов Россотрудничества (2022, 2025 гг.) и Евразийского банка развития (2012, 2015 гг.), охватывающие репрезентативные выборки взрослого населения Армении, Беларуси и Таджикистана. Использование двух взаимодополняющих баз данных позволило раскрыть более подробно анализ современных факторов, формирующих миграционные намерения, с изучением их динамики в контексте страновых направлений миграции на протяжении более чем десяти лет. Для решения исследовательских задач применялись методы описательной статистики, корреляционного анализа и бинарной логистической регрессии, что обеспечило более точную оценку влияния разнообразных характеристик на вероятность проявления намерения трудовой миграции. Полученные результаты свидетельствуют, что при наличии общего интеграционного пространства миграционные стратегии населения исследуемых стран формируются под воздействием различных факторов. В Армении значительную роль играют драйверы восприятия принимающей страны (России); в Беларуси – детерминанты возможностей, открывающихся на новом месте; в Таджикистане – стимулы, продиктованные локальным сообществом и материальным положением семьи. При этом, объединяющим стимулирующим обстоятельством для граждан всех исследуемых государств стало наличие родственников, друзей и иных знакомых в России как фактора, способного облегчить адаптацию к среде принимающей страны и как следствие снизить психологические риски. Сравнительный анализ

выявляет также постепенную диверсификацию направлений международной миграции при сохранении России в числе ведущих центров притяжения в Евразии. Результаты исследования расширяют понимание закономерностей миграционной мобильности в евразийском пространстве и могут быть использованы при формировании миграционной политики и механизмов евразийского сотрудничества с учётом особенностей стран происхождения потенциальных трудовых мигрантов.

Ключевые слова: трудовая миграция; миграционные намерения; факторы миграции; индивидуальные характеристики; Евразийское пространство; социальный капитал

Информация для цитирования: Юргелас А. Л. Ценностно-мотивационные детерминанты трудовой миграции в Россию: сравнительный страновой анализ на примере Армении, Беларуси и Таджикистана // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 52-66. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-4.

Research article

Anna L. Yurgelas

Value-motivational determinants of labor migration to Russia: a comparative country analysis on the example of Armenia, Belarus and Tajikistan

ZIRCON Research Group; Research and Educational Laboratory for Research
in the Field of Business Communications, HSE University,
Bld. 1, 16 Tverskaya St., Moscow, 125375, Russia
annayurgelas@yandex.ru

Abstract. Modern demographic and economic changes, labor shortages, and shifts in international migration flows have reinforced the role of labor migration in the development of the Eurasian region. As the largest destination for migrants within the post-Soviet space, Russia has become a key example for understanding the factors that shape migration intentions among citizens from the Commonwealth of Independent States (CIS). Previous research has mainly focused on macro (economic) factors, but there has been less attention paid to value-based micro-foundations. This article provides a comparative analysis of labor migration drivers to Russia among residents from Armenia, Belarus, and Tajikistan, which represent three different models of migration within the Eurasian area. The empirical analysis is based on international survey data collected by Rossotrudnichestvo (2022 and 2025) and the Eurasian Development Bank (2012 and 2015). These datasets introduce nationally representative samples of the adult populations of Armenia, Belarus, and Tajikistan, allowing to examine both the current determinants of migration intentions and their evolution over more than a decade. The study carries out descriptive statistics, correlation analysis and binary logistic regression to assess the influence of socio-demographic characteristics, perceptions of Russia, social capital and other value-motivational factors on the likelihood of expressing an intention to migrate to Russia for work. Despite a shared integration framework, the findings show that migration intentions are shaped by different combinations of factors across the three studied countries. In Armenia, attitudinal drivers, for instance, perceptions of Russia as the destination country, are considered as the strongest determinants of migration intentions. In Belarus mobility intentions are primarily associated with the perceived opportunities offered by the

Russian labor market. In Tajikistan community influences and household economic conditions interplay a more prominent role. At the same time, the presence of relatives, friends or other social contacts in Russia comes up as a common factor across all three countries, facilitating adaptation to the host society and reducing the perceived risks of migration. The comparative analysis also reveals a gradual diversification of preferred migration destinations, although Russia continues to be one of the principal centers of labor attraction in the Eurasian region. These findings contribute to a better understanding of migration dynamics in the Eurasian space and provide an empirical basis for migration policy and regional cooperation strategies that account for country-specific migration patterns.

Keywords: labor migration; migration intentions; migration factors; individual characteristics; Eurasian space; social capital

Information for citation: Yurgelas, A. L. (2026), "Value-motivational determinants of labor migration to Russia: a comparative country analysis on the example of Armenia, Belarus and Tajikistan", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 52-66. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-4.

Введение (Introduction). В условиях демографического сокращения трудоспособного населения и устойчивого «сжатия» рабочих ресурсов¹ трудовая миграция остается одним из ключевых факторов функционирования российского рынка труда. Несмотря на предпринимаемые меры по диверсификации источников привлечения иностранных работников², основная часть миграционных потоков в Россию (более 95%) по-прежнему формируется за счет государств постсоветского пространства, прежде всего стран СНГ с более чем 6,3 млн переселенцев в Россию на сентябрь 2024 года³. Что касается поля настоящего исследования, то оно сосредоточено вокруг наиболее масштабных миграционных процессов в Россию из стран Евразии, а именно на изучении миграционных намерений граждан из Таджикистана, Армении и Беларуси. Согласно выступлению на ПМЭФ начальника Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации В. Казаковой⁴, Таджикистан и Беларусь входят в ТОП-4 ключевых стран по доле трудовых мигрантов, въезжающих в Россию, где они занимают вторую (16,7%) и четвертую (9,5%) доли от общего потока, соответственно, уступая лишь Узбекистану (23,3%) и Кыргызстану (10,4%). В то же время в последние годы наблюдается изменение характера миграционной мобильности: снижаются масштабы долгосрочной миграции и натурализации на 44,8%⁵, а все большее распространение получают временные⁶ и циркулярные формы трудовой мобильности (Czaika, de Haas, 2014).

¹ Скрипова А. «2026-й будет хуже 2025-го». Экономист Наталья Зубаревич – о том, когда Россия выйдет из демографической ямы // 74.RU. 06.01.2026. URL: <https://74.ru/text/economics/2026/01/06/76180004/> (дата обращения: 08.07.2026).

² Forbes. Очень новые люди: зачем российским работодателям трудовые мигранты из Азии и Африки. 15.03.2025. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/542670-ocen-novye-ludi-zacem-rossijskim-rabotodatelam-trudovye-migranty-iz-azii-i-afriki> (дата обращения: 08.07.2026).

³ РБК. В МВД раскрыли число прибывших в 2024 году мигрантов. 19.06.2025. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/685462a59a7947b576ab8f87> (дата обращения: 08.07.2026).

⁴ РИА Новости. МВД назвало число прибывших в Россию мигрантов в 2024 году. 19.06.2025. URL: https://ria.ru/20250619/mvd_2024043048.html (дата обращения: 08.07.2026).

⁵ Коммерсантъ. Паспортная аномалия: иностранцы не хотят становиться гражданами РФ, а Россия их и не ждет. 27.03.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7605606> (дата обращения: 08.07.2026).

⁶ Демоскоп Weekly. Россия четвертый год подряд получает наибольший миграционный прирост в обмене населением с Таджикистаном – 128 тыс. человек в 2024 году // Институт демографии им. А.Г. Вишневого НИУ ВШЭ. 2025. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01071/barom02.php> (дата обращения: 01.07.2026).

Эти изменения свидетельствуют о том, что традиционные макро- и мезо-уровневые объяснения трудовой миграции, основанные на различиях в уровне доходов, институциональных условиях и миграционных сетях, уже не позволяют в полной мере объяснить миграционное поведение современных трудовых экспатов. В свою очередь, возрастает значение факторов на индивидуальном уровне, определяющих принятие решения о трудовой миграции, – социокультурных ориентаций и мотиваций, связанных с восприятием принимающей страны. Однако роль данных детерминант остается недостаточно изученной, особенно в сравнительных исследованиях стран Евразии.

Настоящее исследование направлено на выявление ценностно-мотивационных детерминант трудовой миграции в Россию на примере Армении, Беларуси и Таджикистана. Сравнительный анализ этих стран позволяет показать, что даже в рамках общего евразийского пространства миграционные установки формируются под воздействием различных культурных, социальных и иных персональных условий.

Научная значимость исследования заключается в расширении представлений о микро-социологических механизмах формирования трудовой миграции и дополнении существующих структурных моделей анализа миграционного поведения. Практическая значимость связана с демонстрацией использования вторичных данных мониторингов «Россотрудничества» и «Евразийского банка развития» в новой перспективе с акцентом на межкультурных особенностях государств евразийского пространства и с фокусом внимания на трех территориально дифференцирующихся странах и как следствие на разноплановые характеристики их жителей. Таким образом, полученные результаты способствуют не только более глубокому пониманию процессов трудовой мобильности в евразийском регионе, но и развитию сравнительных исследований миграции на постсоветском пространстве и, следовательно, совершенствованию подходов к регулированию миграционных процессов в рамках евразийской интеграции.

Методология и методы (Methodology and Methods). Цель настоящего исследования заключается в определении ценностно-мотивационных факторов, связанных с намерением мигрировать в Россию по работе среди жителей Армении, Беларуси и Таджикистана, а также в сравнительном анализе профилей потенциальных трудовых мигрантов из указанных стран. Теоретическим объектом выступает процесс формирования трудовой миграции в Россию из государств постсоветского пространства, рассматриваемый как часть современных миграционных процессов в Евразии. Предметом исследования являются социально-демографические, ценностные и межкультурные факторы, влияющие на принятие решения о трудовой миграции, включая языковой капитал, наличие социальных связей в принимающей стране, отношение к России и восприятие ее как дружественного государства. Эмпирическим объектом являются совершеннолетние жители Армении, Беларуси и Таджикистана, участвовавшие в международных социологических опросах.

Эмпирическую базу составили данные двух серий международных опросов: «Россотрудничество» (2022 и 2025 годов) и «Евразийского банка развития» (МАИА «Евразийский монитор») (2012 и 2015 годов), собранные посредством формализованных личных интервью по месту жительства и телефонных интервью (САТИ). Основной статистический анализ выполнен на материалах «Россотрудничества» за 2025 год, охватывающих около 1050 респондентов в каждой стране (Армения – 1055, Беларусь – 1050, Таджикистан – 1050), в то время как предыдущие волны использованы для оценки динамики направлений миграции.

В то же время выбор стран обусловлен задачей сопоставления различных моделей мобильности в евразийском пространстве. Армения представляет Южный Кавказ с миграционными намерениями, формирующимися под влиянием культурной близости с Россией и сохраняющейся роли экономических факторов. Беларусь выступает как пример

государства с минимальными языковыми и институциональными барьерами для миграции, что позволяет оценить значение ценностных и мотивационных факторов в контексте высокой интеграции с Россией (“low-friction” case). Таджикистан отражает специфику Центральной Азии, где трудовая миграция носит массовый характер и опирается на устойчивые миграционные сети и экономическую (финансовую) зависимость от стран-реципиентов иностранной рабочей силы (в частности, России). Такое сопоставление позволяет выявить как общие закономерности, так и особенности формирования миграционных намерений в отдельных странах, расширяя понимание современных миграционных процессов в евразийском регионе.

Исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, анализ основывается на количественных данных и не затрагивает субъективные мотивы и индивидуальный опыт потенциальных мигрантов, что требует дальнейшего качественного инструментария. Во-вторых, среди респондентов значительно преобладают лица, не выразившее намерение мигрировать (переехать в Россию временно поработать и/или на постоянное место жительства). Тем не менее, результаты анализа сфокусированы именно на сравнительном изучении группы «потенциальных», желающих переехать в Россию (в Армении – 172/1055 чел., в Беларуси – 138/1050 чел. и Таджикистане – 319/1050 чел.).

Отсюда, примечательно, что ключевой концепт исследования представлен в виде подготовленного бинарного индекса, аккумулирующего сразу два параметра («миграцию на постоянное место жительства» и «трудовую миграцию»), в следующем формате: *«выражено ХОТЯ БЫ ОДНО из желаний переехать в Россию»*, где 0 – намерение не выражено, 1 – или только «временно поработать» / или только «постоянное место жительства» /или оба варианта выбраны. Подобное объединение показателей выполнено с целью обеспечения более качественного распределения ответов респондентов при реализации аналитической части, – устранение чрезмерно сильного перекоса в пользу тех, кто не выразил намерения в пользу временной трудовой мобильности или в целом переезда в Россию.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussions). *Профили потенциальных мигрантов.* Среди граждан Армении, намеревающихся мигрировать в Российскую Федерацию с целью трудоустройства или постоянного проживания, преобладают женщины (57%) в возрасте около 45 лет. Указанная демографическая группа характеризуется относительно высоким уровнем образования: 50% потенциальных мигрантов обладают средним образованием, а 41% владеют высоким уровнем русского языка. При этом 58% респондентов в настоящее время не имеют работы или занимают должности, требующие среднего уровня квалификации.

Данная совокупность характеристик согласуется с концепцией новых экономических исследований (Massey et al., 1993), согласно которой миграция выступает как стратегия компенсации ограниченных возможностей на локальном рынке труда, где в том числе женщины способны выступать в качестве основных кормильцев, а не только сопровождающих партнеров (Agadjanian, Sevoyan, 2014) и (Bellak, Leibrecht, Liebensteiner, 2014). В то же время, высокий уровень владения русским языком и позитивное отношение к России позволяют предположить существенную роль культурной близости (cultural proximity) как дополнительного фактора миграционной привлекательности (Lami et al, 2022: 8). Особо следует отметить выраженное позитивное отношение к России: 83% респондентов положительно оценивают страну, а 84% считают ее дружественной. Дополнительным фактором является наличие у 88% потенциальных мигрантов родственников или знакомых в России.

Потенциальные трудовые мигранты из Беларуси демонстрируют иные социально-демографические характеристики по сравнению с выходцами из Армении и Таджикистана. Среди респондентов, рассматривающих переезд в Россию для трудоустройства или

постоянного проживания, преобладают мужчины (55%), находящиеся на начальных этапах профессиональной карьеры. Средний возраст этой группы составляет около 27 лет (46%).

Отличительной чертой белорусских респондентов является их относительно стабильное социально-экономическое положение. 40% опрошенных оценивают материальное положение своих семей как выше среднего, около трети имеют высшее образование, а для 79% русский язык является основным языком общения. При этом большинство респондентов (68%) характеризуют экономическую ситуацию в Беларуси как нейтральную, а не кризисную.

Полученные данные позволяют предположить, что миграционные намерения белорусских респондентов обусловлены не столько выраженными «выталкивающими» факторами, связанными с экономической нестабильностью, сколько поиском возможностей для профессионального роста и карьерного развития, более эффективным применением своих навыков за рубежом. Это соответствует концепции возрастающей роли индивидуальной агентности в принятии миграционных решений (Foss, Pedersen, 2019). Данный вывод также согласуется с результатами исследований, которые указывают на то, что по мере снижения экономического давления субъективные оценки перспектив профессионального роста и личных жизненных стратегий начинают играть более значимую роль, чем исключительно различия в уровнях доходов между странами.

Характерной особенностью белорусского профиля является сочетание высокой степени культурной близости к России и относительно низкой интенсивности миграционных намерений. 84% потенциальных мигрантов положительно относятся к России, 97% считают ее дружественной страной, а 72% уже имеют личные связи (родственники, друзья, коллеги) в принимающей стране. Эти показатели свидетельствуют о сохранении общего культурно-языкового пространства, что традиционно рассматривается как фактор, снижающий издержки миграции (Lanati, Venturini, 2021: 807; Adserà, Pytlíková, 2012: 2-3). Тем не менее, данные обстоятельства сами по себе не обеспечивают высокой миграционной активности. Таким образом, результаты исследования позволяют заключить, что культурная близость скорее выступает условием для потенциальной мобильности, нежели ее самостоятельной причиной. При отсутствии выраженных экономических стимулов, даже высокий уровень доверия к принимающей стране не гарантирует формирования устойчивых миграционных намерений.

Профиль потенциального трудового мигранта из Таджикистана отличается от профилей респондентов из других рассматриваемых стран. Среди опрошенных практически не наблюдается гендерных различий: 51% составляют женщины и 49% – мужчины. Преобладает молодежь в возрасте 23-30 лет, причем наибольшую долю (63%) составляют 24-летние. Большинство потенциальных мигрантов имеет среднее образование или более низкий уровень квалификации (58%). Половина респондентов на момент проведения опроса не имела работы, а почти 70% проживает в сельской местности. Данная социально-демографическая структура указывает на значимую роль трудовой миграции как инструмента социально-экономической мобильности для молодых жителей отдаленных регионов.

В отличие от Армении, респонденты из Таджикистана реже связывают намерение мигрировать с отрицательной оценкой ситуации в своей стране. Подавляющее большинство опрошенных (82%) положительно оценивают экономическое положение в Таджикистане, что позволяет предположить, что трудовая миграция воспринимается не как реакция на кризис, а как часть стратегии повышения благосостояния семьи. Этот вывод согласуется с положениями новой экономики трудовой миграции, которая рассматривает миграцию как средство диверсификации доходов домохозяйства и управления экономическими рисками, а

не только как следствие неблагоприятной макроэкономической ситуации (Massey et al., 1993).

Привлекает внимание одновременное наличие крайне низкого уровня владения русским языком и высокой привлекательности России как направления миграции. Только 25% потенциальных мигрантов свободно владеют русским языком, однако 88% положительно относятся к России, 95% считают ее дружественной страной, и 84% имеют родственников, друзей или коллег, проживающих в России. Эти данные указывают на то, что для мигрантов из Таджикистана решающее значение имеют не культурно-языковые факторы, а существующий социальный капитал миграционных сетей, который существенно снижает неопределенность, связанную с переездом. Полученные результаты согласуются с теорией миграционных институциональных сетей (Goss, Lindquist, 1995:345), согласно которой наличие устоявшихся социальных связей (т.е. не состояние «изолированного от среды мигранта») компенсирует недостаток других ресурсов, включая языковые навыки, и тем самым облегчает принятие решения о миграции и последующую адаптацию в стране назначения.

Полученные результаты указывают на то, что экономические стимулы для трудовой миграции из Таджикистана в Россию преобладают над языковыми барьерами. Несмотря на ограниченное владение русским языком среди таджикских мигрантов, Россия остается основным направлением трудовой миграции, что согласуется с существующими исследованиями, подчеркивающими важность структурных факторов в миграционных процессах стран Центральной Азии (Massey et al., 1993; Zakharov et al., 2023).

Сравнительный анализ выявил, что потенциальные трудовые мигранты из трех исследуемых стран демонстрируют различные модели миграционного поведения. Для Армении типична модель ценностно-культурной интеграции, где экономические мотивы сочетаются с высокой степенью языковой и культурной близости к России. Беларусь характеризуется моделью профессиональной мобильности, для которой свойственны миграционные намерения молодых специалистов при отсутствии явных экономических факторов «выталкивания». В Таджикистане преобладает модель сетевой экономической миграции, базирующаяся на значимости социальных связей и семейных стратегий, которые компенсируют недостаток языковых и других ресурсов. Обнаруженные различия указывают на то, что даже в пределах единого постсоветского пространства механизмы формирования трудовой миграции неоднородны и зависят от различных комбинаций структурных, культурных и индивидуальных факторов.

Ключевые направления трудовой миграции: изменение предпочтений и основания выбора стран назначения. Динамика предпочтений потенциальных трудовых мигрантов в период с 2012 по 2025 гг. демонстрирует существенные изменения в отношении наиболее привлекательных стран для переезда, причем эти изменения проявляются по-разному в Армении, Беларуси и Таджикистане.

В Армении наблюдается постепенная трансформация структуры миграционных предпочтений. Если в 2012 году Россия занимала второе место после респондентов, не планировавших переезд (25%), то к 2025 году она сместилась на третью позицию (15%), уступив США (22%). Одновременно отмечается рост интереса к другим западным направлениям, в частности к странам Европейского союза и Германии. Исследование также показывает, что отношение к России остается преимущественно положительным, а снижение ее привлекательности не означает общего отказа от миграции. Скорее, наблюдается расширение спектра стран, рассматриваемых в качестве потенциального места работы или проживания. Это подтверждается динамикой показателя привлекательности России: после роста в 2012–2015 гг. последовало заметное снижение к 2022 году, а затем – постепенное восстановление к 2025 году, хотя прежний уровень интереса не был достигнут.

В Беларуси динамика отличается. На протяжении всего рассматриваемого периода Россия сохраняет позицию одного из наиболее привлекательных направлений, однако интерес к ней постепенно снижается: с 20% в 2012 году до 12% в 2025 году. Одновременно снижается привлекательность Германии и США, а среди наиболее предпочтительных направлений появляется Китай. Наиболее выраженной тенденцией становится увеличение доли респондентов, не рассматривающих переезд в другую страну: с 32% до 40%. Эти данные позволяют предположить, что для Беларуси характерен не столько передел интереса между странами, сколько общее сокращение миграционных намерений. Несмотря на сохраняющееся восприятие России как культурно близкой страны, подтверждаемое высоким уровнем владения русским языком и положительным отношением, само по себе это перестает быть определяющим фактором готовности к переезду.

В Таджикистане Россия сохраняет лидирующее положение среди направлений трудовой миграции, несмотря на снижение ее привлекательности по сравнению с 2012 годом. Если в начале периода Россию выбирали 42% респондентов, то к 2025 году этот показатель снизился до 19%. Аналогичная тенденция наблюдается в отношении США и Германии. При этом Китай входит в число наиболее привлекательных стран, что свидетельствует о постепенном расширении спектра возможных вариантов международной миграции. Одновременно существенно увеличивается доля респондентов, не планирующих переезд (с 18% до 53%). Тем не менее, Россия остается наиболее предпочтительным направлением для потенциальных мигрантов из Таджикистана, что обусловлено высоким уровнем положительного отношения и наличием обширных родственных и социальных связей с лицами, уже проживающими в России.

В целом, результаты показывают снижение привлекательности России во всех трех странах за исследуемый период, однако причины и характер этих изменений различаются. В Армении сохраняется интерес к миграции, но возрастает внимание к США и странам Европейского союза. В Беларуси наблюдается общее снижение интереса к международной миграции. В Таджикистане Россия по-прежнему является основным направлением, хотя выбор потенциальных мигрантов становится более диверсифицированным. Эти различия позволяют заключить, что миграционные предпочтения, даже в рамках постсоветского пространства, формируются под влиянием комбинации социально-экономических условий, накопленного миграционного опыта и восприятия отдельных стран как потенциального места для жизни и работы.

Факторы миграции. Для выявления факторов, влияющих на намерение переехать в Россию для работы и/или постоянного места жительства, были построены отдельные бинарные логистические регрессионные модели для Армении, Беларуси и Таджикистана. В итоговые структуры включались только статистически значимые переменные. Несмотря на умеренный уровень объяснённой вариации (R^2 по Нагелькерке) у Армении – 0,251, и Таджикистана – 0,123, полученные результаты позволяют выявить устойчивые различия в механизмах формирования миграционных намерений. Исключением стала Беларусь с наименьшим показателем в 11,4% объясненной дисперсии, подразумевающим, что миграционные процессы граждан этого государства гораздо более сложны, рассеяны и должны быть обусловлены скорее комплексно, а не в разрезе конкретных детерминант. Тем не менее, для всех трех стран тест Хосмера-Лемешоу свидетельствовал о хорошей адаптации регрессионной модели. Единственным фактором, значимым во всех трёх странах и в то же время наиболее сильно повышающим шансы возникновения намерения переехать, оказалось наличие родственников, друзей или знакомых в России, что указывает на сохраняющуюся роль социальных связей как универсального механизма, способствующего принятию решения о переезде, а именно в вопросах адаптации к новой среде принимающей страны и как следствие снижения психологических барьеров для обустройства на новом месте (Lanati,

Venturini, 2021: 807; Cheskin, Kachuyevski, 2019). Этот вывод пересекается с теорией миграционных сетей, согласно которой социальные связи снижают неопределенность и способствуют мобильности (Massey et al., 1993).

Таблица 1

Профили потенциальных мигрантов (Россотрудничество, 2025)

Table 1

Profiles of aspiring migrants (Rossotrudnichestvo, 2025)

Страны / Countries	Армения / Armenia (172/1055 чел. / persons)	Беларусь / Belarus (138/1050 чел. / persons)	Таджикистан / Tajikistan (319/1050 чел. / persons)
Пол / Gender	57% женщины / women	55% мужчины / men	примерно одинаково: женщины (51%) и мужчины (49%) / approximately equal: women (51%) and men (49%)
Возраст / Age	люди среднего возраста (пик в 30% в возрасте 45 лет) / middle-aged people (peak of 30% at age 45)	молодые люди в начале карьеры (пик в 46% в возрасте 27 лет) / young people at the beginning of their careers (peak of 46% at age 27)	молодые люди в возрасте 23–30 лет (пик в 63% в возрасте 24 лет) / young people aged 23–30 (peak of 63% at age 24)
Уровень образования / Level of education	50% со средним образованием / 50% with secondary education	44% со средним специальным образованием и 30% с высшим образованием / 44% with specialized secondary education and 30% with higher education	58% со средним уровнем образования и ниже / 58% with secondary education or lower
Тип населенного пункта / Status of the place of living	50% живут в сельской местности / 50% live in villages	62% в областных центрах и малых городах / 62% live in regional centers and small towns	69% живут в сельской местности / 69% live in villages
Статус занятости / Qualification level	58% на данный момент не работают и 19% со средним уровнем квалификации / 58% are currently not working and 19% have an intermediate level of qualification	45% с низким и 23% со средним уровнями квалификации; на 13 п.п. больше работающих, чем среди тех, кто не выразил желание / 45% have low and 23% intermediate levels of qualification; 13 p.p. more are employed than among those who did not express a desire to migrate	50% не работают в данный момент / 50% are currently unemployed

Страны / Countries	Армения / Armenia (172/1055 чел. / persons)	Беларусь / Belarus (138/1050 чел. / persons)	Таджикистан / Tajikistan (319/1050 чел. / persons)
Уровень владения русским языком / Fluency in Russian	61% владеют высоким уровнем знания русского языка, но лишь 7% используют его в паре с локальным языком для общения в семье / 61% have a high level of Russian proficiency, but only 7% use it together with the local language for communication in the family	79% используют русский язык как главный для общения дома, а 99% владеют им практически в совершенстве / 79% use Russian as the main language at home and 99% speak it almost perfectly	97% говорят только на локальном языке в семье и лишь 25% понимают русский язык и не очень хорошо говорят на нем / 97% speak only the local language at home, while only 25% understand Russian and do not speak it very well
Оценка экономического положения своей страны / Assessment of the current economic situation in the home country	40% оценивают текущее экономическое положение своей страны в целом плохо и ниже / 40% assess the current economic situation in their country as generally poor or worse	68% оценивают текущее экономическое положение своей страны нейтрально / 68% assess the current economic situation in their country neutrally	82% оценивают текущее экономическое положение своей страны в целом как хорошее и выше / 82% assess the current economic situation in their country as generally good or better
Наличие родственников / знакомых в России / Presence of relatives/friends / colleagues in Russia	88% выражено желание среди тех, у кого есть родственники/друзья /коллеги в принимающей стране / 88% expressed a desire among those who have relatives / friends / colleagues in the destination country	72% выражено желание среди тех, у кого есть родственники/друзья /коллеги в принимающей стране / 72% expressed a desire among those who have relatives / friends / colleagues in the destination country	84% выражено желание среди тех, у кого есть родственники/друзья/ коллеги в принимающей стране / 84% expressed a desire among those who have relatives / friends / colleagues in the destination country
Отношение к России / Attitude towards Russia	83% положительно относятся к России / 83% have a positive attitude toward Russia	84% положительно относятся к России / 84% have a positive attitude toward Russia	88% положительно относятся к России / 88% have a positive attitude toward Russia
Дружественность России / Friendliness of Russia	84% считают ее «дружественной» / 84% consider it «friendly»	97% считают ее «дружественной» / 97% consider it «friendly»	95% считают ее «дружественной» / 95% consider it «friendly»

Модель детерминант Армении. В Армении корреляционный анализ выявил, что намерение трудовой миграции наиболее существенно связано с восприятием России и наличием социальных связей в принимающей стране. Наиболее выраженные положительные корреляции обнаружены между намерением миграции и восприятием России как

дружественной страны ($\tau = 0,276$; $p < 0,01$), общим отношением к России ($\tau = 0,261$; $p < 0,01$) и наличием родственников или знакомых в России ($\tau = 0,193$; $p < 0,01$). Эти результаты совпадают с выводами предыдущих исследований, которые выделяют роль культурной близости, «единого культурного мира» и миграционных сетей в снижении барьеров международной мобильности (Lanati, Venturini, 2021; Cheskin, Kachuyevski, 2019). При этом между показателями восприятия России, общим отношением к стране и оценкой ее дружелюбности, установлена умеренная положительная корреляция ($\tau = 0,571$; $p < 0,01$), что указывает на их содержательную близость, но не тождественность. Анализ мультиколлинеарности подтвердил возможность одновременного включения этих переменных в регрессионную модель для Армении, а также Таджикистана: значения индекса инфляции дисперсии (VIF) не превышают 1,67 и существенно ниже общепринятых порогов. Другие исследуемые переменные, такие как тип населенного пункта, удовлетворенность жизнью, стратегия домохозяйства, основной язык и уровень образования, продемонстрировали слабые, несмотря на статистическую значимость, корреляционные связи с миграционными намерениями и были дополнительно учтены в регрессионном анализе.

Для Армении регрессионная модель охватывает около четверти вариации миграционных намерений. Наиболее ярким драйвером является наличие социальных связей в России: при их наличии вероятность намерения к миграции увеличивается более чем в 3,5 раза ($OR^1 = 3,553$). Значимое влияние оказывают также восприятие России как дружелюбной страны ($OR = 2,197$) и общее отношение к ней ($OR = 1,955$ – чем положительнее, тем выше шансы). Кроме того, значимыми оказываются самооценка уровня удовлетворённости жизнью ($OR = 1,340$) и тип населённого пункта ($OR = 1,223$ – чем хуже место, тем выше шансы). Такое сочетание факторов свидетельствует о том, что решение о переезде для потенциальных мигрантов из Армении определяется в большей степени не экономическими обстоятельствами, а накопленным социальным капиталом и позитивным восприятием принимающей страны, параметрами социального самочувствия. Данный вывод согласуется с результатами А. Adsera и М. Pytlikova (2012: 2-3.), которые показали, что культурная близость и языковые ресурсы уменьшают «стоимость» миграции, а также с исследованием J. Goss и В. Lindquist (1995), рассматривающими социальные сети мигранта в качестве ключевого фактора принятия решения о переезде. В данном случае именно социальные связи и позитивный образ России создают условия для формирования миграционных намерений. Эти выводы коррелируют с кросс-культурной шкалой Г. Хофстеде², где подчеркиваются укоренившиеся в армянском обществе «коллективистские» ценности (всего 17 из 100 баллов по шкале индивидуализма).

Модель детерминант Беларуси. В отличие от Армении и Таджикистана, анализ корреляций для Беларуси показывает, что миграционные намерения связаны с ограниченным числом статистически значимых факторов, а связи между ними сравнительно слабы, что указывает на более сложную и менее структурно обусловленную модель мобильности по сравнению с другими исследуемыми странами СНГ.

В случае Беларуси структура факторов отличается. Хотя наличие социальных связей в России остаётся самым сильным предиктором ($OR = 2,821$), остальные значимые переменные отражают индивидуальные характеристики потенциального мигранта. Вероятность миграционных намерений уменьшается с возрастом ($OR = 0,972$), зависит от пола ($OR = 0,658$, т.е. шансы сократятся, если это женщины) и повышается при возрастании уровня владения русским языком ($OR = 0,536$), что обращает внимание на важность

¹ Во сколько раз растут (с +)/падают (с -) шансы выражения желания переехать в Россию.

² См. "The Culture Factor". URL: <https://www.theculturefactor.com/> (дата обращения: 01.07.2026).

«языковой готовности» (Lami et al., 2022: 13-14) и в целом наличия объединяющего «лингвистического капитала» (Adserà, Pytlíková, 2012: 4) для возникновения намерения о переезде. В таких условиях возраст, профессиональный этап жизни и наличие социальных связей выходят на первый план, превышая чисто монетарные драйверы и фокусируя на том, что потенциальные мигранты из Беларуси скорее не ищут в целом работу (“job-seekers”), а пытаются ее сменить (“job-switchers”). Эта закономерность в том числе пересекается с выводами N. J. Foss и T. Pedersen (2019: 1594-1595), которые отмечают, что при низких институциональных и культурных барьерах миграционные решения всё больше зависят от индивидуальных жизненных стратегий, а не от национальных различий.

Модель детерминант Таджикистана. Для Таджикистана также ключевым фактором выступает наличие социальных связей в России (OR = 2,049). Кроме того, вероятность миграционных намерений выше среди жителей малых населённых пунктов (OR = 1,317) и молодых респондентов (OR = 0,969 – чем старше, тем реже наблюдается намерение), а ниже у тех, кто оценивает материальное положение семьи выше среднего (OR = 0,719). В отличие от Армении, в итоговую модель не вошли показатели отношения к России или восприятия её как дружественной страны, хотя на описательном уровне эти показатели остаются высокими. Это позволяет предположить, что положительное отношение к принимающей стране само по себе не определяет миграционные намерения. Для таджикских потенциальных релокантов важнее реальные возможности переезда, связанные с социальными и экономическими ресурсами семьи и местом проживания. Такой вывод соответствует положениям макро-уровневым исследованиям трудовой миграции (Massey et al., 1993), рассматривающим мобильность как семейную стратегию распределения рисков и улучшения благосостояния, а также теориям по миграционным институциональным практикам (Goss, Lindquist, 1995:345), подчёркивающим компенсирующую роль социальных связей при ограниченности других ресурсов.

Особое внимание привлекает то, что наличие социальных связей в России оказалось единственным фактором, значимым во всех трёх странах, несмотря на различия социально-экономического и культурного контекста. С одной стороны, это подтверждает выводы зарубежных исследований о центральной роли миграционных сетей в формировании международной мобильности. С другой стороны, влияние остальных факторов существенно варьируется. Для Армении определяющую роль играют восприятие России и ценностные установки (мотивированные восприятием), для Беларуси – индивидуальные характеристики мигрантов (мотивированные возможностями и использованием собственного «таланта» (Al Ariss et al., 2014)), а для Таджикистана – социальное положение и семейные стратегии (мотивированные собственной ситуацией и сообществом). Таким образом, результаты свидетельствуют о невозможности фиксации универсальной модели формирования миграционных намерений в пределах единого евразийского пространства. Решение о трудовой миграции складывается из разного сочетания социальных, культурных и экономических факторов, специфичных для национального контекста каждой страны.

Заключение (Conclusions). Анализ факторов, влияющих на желание граждан из Армении, Беларуси и Таджикистана переехать в Россию, свидетельствует о возрастающей неоднородности единого евразийского миграционного пространства. Несмотря на сохраняющуюся институциональную взаимосвязь государств постсоветского региона, детерминанты миграционных предпочтений населения приобретают все более выраженную страновую специфику. Для Армении отмечается высокая степень зависимости от внешнеполитической и экономической конъюнктуры. Беларусь характеризуется постепенным снижением общей международной мобильности при сохранении культурной близости с Российской Федерацией. В Таджикистане доминирующее значение имеют экономические факторы, при этом наблюдается постепенная диверсификация направлений

трудовой миграции. Данные тенденции позволяют констатировать трансформацию миграционного пространства Евразии от ранее существовавшей унифицированной модели к системе национально дифференцированных миграционных стратегий.

Выходя за рамки традиционного экономического и институционального анализа трудовой миграции, исследование акцентирует внимание на ценностно-мотивационных факторах выбора места переезда. В нем показывается, как представления о принимающей стране, культурные связи и формы российского «мягкого влияния», наряду с индивидуальными характеристиками, могут по-разному влиять на процесс принятия решений о трудовой миграции в зависимости от страны происхождения. В свою очередь, полученные результаты свидетельствуют о том, что евразийское пространство следует рассматривать не только как совокупность общих институциональных условий мобильности, но и как пространство различных социальных механизмов формирования миграционных стратегий.

Отсюда, выявленные различия в миграционных намерениях на примере Армении, Беларуси и Таджикистана могут послужить основой для дальнейшего изучения разнообразных моделей миграционного поведения и проверки их устойчивости на расширенном круге стран Евразии, в том числе за счет интегрирования количественных инструментов с качественными методами для более детального исследования механизмов формирования миграционных намерений. Касательно практической ценности проекта следует заметить, что итоги работы позволяют по-новому взглянуть на задачи регулирования трудовой миграции в евразийском пространстве. В частности, учет выявленной страновой специфики, отход от единой модели миграционного поведения, может способствовать более адресному выстраиванию миграционной политики и развитию механизмов евразийского сотрудничества, направленных не только на управление потоками миграции, но и на понимание социальных условий формирования намерений о мобильности.

Список источников

Adsera A., Pytlikova M. The role of language in shaping international migration // IZA Discussion Paper No. 6333. Institute for the Study of Labor (IZA), 2012. URL: <https://www.iza.org/publications/dp/6333/the-role-of-language-in-shaping-international-migration> (дата обращения: 01.07.2026).

Agadjanian V., Sevoyan A. Embedding or uprooting? The effects of international labour migration on rural households in Armenia // International Migration. 2014. Т. 52, № 5. С. 29-46. DOI: 10.1111/imig.12058.

Al Ariss A., Cascio W. F., Paauwe J. Strategic human resource management, migrations and international HR management in the 21st century // Human Resource Management Review. 2014. Т. 24, № 1. С. 1-6.

Bellak C., Liebrecht M., Liebensteiner M. Short-term labour migration from the Republic of Armenia to the Russian Federation // Journal of Development Studies. 2014. Т. 50, № 3. С. 349-366. DOI: 10.1080/00220388.2013.858125. EDN: YEOTAN.

Cheskin A., Kachuyevski A. The Russian-speaking populations in the post-Soviet space: Language, politics and identity // Europe-Asia Studies. 2019. Т. 71, № 1. С. 1-23. DOI: 10.1080/09668136.2018.1529467. EDN: UTRATT.

Czaika M., de Haas H. The globalization of migration: Has the world become more migratory? // International Migration Review. 2014. Т. 48, № 2. С. 283-323. DOI: 10.1111/imre.12095.

Foss N. J., Pedersen T. Microfoundations in international business research: The virtual issue // Journal of International Business Studies. 2019. Т. 50. С. 1594-1602. DOI: 10.1057/s41267-019-00270-4. EDN: OFHBGY.

Goss J., Lindquist B. Conceptualizing international labor migration: A structuration perspective // *International Migration Review*. 1995. Т. 29, № 2. С. 317-351. DOI: 10.1177/019791839502900201. EDN: HIDYXT.

Lami B., Tarasenko I., Shyshova O., Voropayeva T., Verhun A. International migration of human resources in the conditions of social transformations // *Economies*. 2022. Т. 10, № 9. Ст. 216. DOI: 10.3390/economies10090216. EDN: GECRRU.

Lanati M., Venturini A. Cultural change and the migration choice // *Review of World Economics*. 2021. Т. 157, № 4. С. 799-852. DOI: 10.1007/s10290-021-00418-1. EDN: ASYLXR.

Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. Theories of international migration: A review and appraisal // *Population and Development Review*. 1993. Т. 19, № 3. С. 431-466. DOI: 10.2307/2938462.

Zakharov V., Ivanova A., Suzdaleva T. Labor migration in modern Russia: Features, problems and ways to solve them // *Revista Amazonia Investiga*. 2023. Т. 12, № 64. С. 19-30. DOI: 10.34069/AI/2023.64.04.19. EDN: HVMATT.

References

Adsera, A. and Pytlikova, M. (2012), "The role of language in shaping international migration", *IZA Discussion Paper*, (6333), Institute for the Study of Labor (IZA), [Online], available at: <https://www.iza.org/publications/dp/6333/the-role-of-language-in-shaping-international-migration> (Accessed 01.07.2026).

Agadjanian, V. and Sevoyan, A. (2014), "Embedding or uprooting? The effects of international labour migration on rural households in Armenia", *International Migration*, 52 (5), 29-46, DOI: 10.1111/imig.12058.

Al Ariss, A., Cascio, W. F. and Paauwe, J. (2014), "Strategic human resource management, migrations and international HR management in the 21st century", *Human Resource Management Review*, 24 (1), 1-6.

Bellak, C., Leibrecht, M. and Liebensteiner, M. (2014), "Short-term labour migration from the Republic of Armenia to the Russian Federation", *Journal of Development Studies*, 50 (3), 349-366, DOI: 10.1080/00220388.2013.858125, EDN: YEOTAN.

Cheskin, A. and Kachuyevsky, A. (2019), "The Russian-speaking populations in the post-Soviet space: Language, politics and identity", *Europe-Asia Studies*, 71 (1), 1-23, DOI: 10.1080/09668136.2018.1529467, EDN: UTRATT.

Czaika, M. and de Haas, H. (2014), "The globalization of migration: Has the world become more migratory?", *International Migration Review*, 48 (2), 283-323, DOI: 10.1111/imre.12095.

Foss, N. J. and Pedersen, T. (2019), "Microfoundations in international business research: The virtual issue", *Journal of International Business Studies*, 50, 1594-1602, DOI: 10.1057/s41267-019-00270-4, EDN: OFHBGY.

Goss, J. and Lindquist, B. (1995), "Conceptualizing international labor migration: A structuration perspective", *International Migration Review*, 29 (2), 317-351, DOI: 10.1177/019791839502900201, EDN: HIDYXT.

Lami, B., Tarasenko, I., Shyshova, O., Voropayeva, T. and Verhun, A. (2022), "International migration of human resources in the conditions of social transformations", *Economies*, 10 (9), Art. 216, DOI: 10.3390/economies10090216, EDN: GECRRU.

Lanati, M. and Venturini, A. (2021), "Cultural change and the migration choice", *Review of World Economics*, 157 (4), 799-852, DOI: 10.1007/s10290-021-00418-1, EDN: ASYLXR.

Massey, D. S., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A. and Taylor, J. E. (1993), "Theories of international migration: A review and appraisal", *Population and Development Review*, 19 (3), 431-466, DOI: 10.2307/2938462.

Zakharov, V., Ivanova, A. and Suzdaleva, T. (2023), "Labor migration in modern Russia: Features, problems and ways to solve them", *Revista Amazonia Investiga*, 12 (64), 19-30, DOI: 10.34069/AI/2023.64.04.19, EDN: HVMATT.

Статья поступила в редакцию 12 июня 2026 г. Поступила после доработки 14 августа 2026 г. Принята к печати 10 сентября 2026 г.
Received 24 June 2026. Revised 14 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Юргелас Анна Леонидовна, ведущий специалист-исследователь ИГ «ЦИРКОН»; стажер-исследователь НУЛ исследований в области бизнес-коммуникаций, Научно-учебная лаборатория исследований в области бизнес-коммуникаций НИУ ВШЭ, Москва, Россия.
Anna L. Yurgelas, Leading Specialist Researcher at the ZIRCON Research Group; Intern Researcher at the Research Laboratory for Research in the Field of Business Communications, Research and Teaching Laboratory for Research in the Field of Business Communications, HSE University, Moscow, Russia.